
ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Это художественное произведение.

Пуристам: я позволила себе довольно вольно обращаться с наследием викингов — с любовью и со стремлением передать дух культуры викингов в современной Скандинавии. Смиритесь с этим и постарайтесь не относиться к написанному слишком серьезно.

Всем остальным: приглашаю насладиться чудесной водой (да, немного холодной, но это же Скандинавия) и превратиться на время в настоящего берсерка.

ПРОЛОГ

Под моими ногами хрустят ветки — это я бегу напрямом через кусты. Бегу изо всех сил. Сердце бьется так сильно, что кажется, будто оно вот-вот выскочит из груди и помчится впереди. Безжалостный дождь промочил меня насквозь. Казалось бы, при такой нагрузке и влажности мне должно быть жарко, но я настолько замерзла, что ничего не чувствую ниже пояса. Я только ощущаю щелчки в голове всякий раз, как наступаю босой ногой на папоротник. В волосах запуталось столько веточек, что хватило бы на целый костер.

Туман сгущается, в полутьме раздаются какие-то жуткие звуки. Каркают вороны, вдалеке грохочет гром. Лес, по которому я бегу, вовсе не похож на тот, в котором водятся говорящие животные, готовые в любую минуту прийти на помощь заблудившейся принцессе. Не столько «Белоснежка», сколько «Ведьма из Блэр».

А потом я наступаю на что-то бурое и скользкое.

«Пусть это будет слизень, пусть это будет слизень, пожалуйста, пусть это будет слизень», — молюсь я про себя, не останавливаясь. «Я должна добежать до поляны», — думаю я, продолжая переставлять ноги. Концентрация адреналина достигает максимума,

и мне кажется, что я сейчас взлечу. Потом я спотыкаюсь о корень и со всего размаха плюхаюсь лицом в грязь.

«Вот и конец, — пробегает у меня в голове безразличная мысль. — Прощай, мир. Жизнь была неплохой штукой».

Я жду еще немного, но ничего не происходит.

Черт, я не умерла! А это значит... нужно снова бежать...

Во мне включаются какие-то давно позабытые инстинкты самосохранения. Я собираюсь с силами, чтобы встать. Вроде бы ничего не сломано (кроме носа, пожалуй). Пошатываясь, я дотрагиваюсь до губы и понимаю, что из нее течет кровь. Но сейчас это вовсе не важно, и я продолжаю двигаться вперед, к мерцающему свету.

— Аррргх!

Я слышу вдалеке крик и удваиваю силы, прежде чем он повторяется:

— Аррргх!

Я машинально переставляю ноги, пока густой поллог надо мной не редет, а по ковру из листьев не начинают плясать пятна света. Горящие факелы дают приятное тепло, и от моей мокрой одежды начинает исходить пар.

— Эээ... привет? — Я не сказала ни слова за двенадцать часов и не совсем уверена, что помню, как говорить. Во рту у меня как будто каша, и я делаю еще одну попытку. — Есть тут кто?

Я развожу руки, позволяя себе вздохнуть полной грудью, и кричу:

– Аррргх!

Из густой растительности выходят две грязные, свирепого вида женщины и кричат мне в ответ: «Аррргх!» Одна невысокая, коренастая, с темными волосами. Другая высокая, подтянутая, с карамельными волосами, похожая на модель и неприлично молодая – как будто даже «гламурная», несмотря на всю грязь.

Мы встречаемся глазами и понимаем: что бы с нами ни случилось дальше, наша жизнь никогда уже не будет прежней. Спустя несколько гортанных криков из-за кустов появляется еще одна фигура – пожилая блондинка со встрепанными волосами и с кожей цвета красного дерева.

Она от души рычит, после чего плюхается на землю и зажимает руками колени.

– О боже, судорога...

Разминая икру, она ловит ртом воздух.

– Мне... срочно... требуется...

Я боюсь, что она сейчас скажет «медицинская помощь», и тогда мне придется как-то действовать, но она выдыхает: «Джин». И мы слышим медленные хлопки в ладоши.

Из-за дерева выходит мужчина с широкой грудью, в одних шароварах. С обезьяньей ловкостью он ныряет под ветками и проходит на поляну, поправляя нелепое ожерелье из рыболовных крючков. Волосы у него собраны в пучок.

Выпендрожник.

Я уже давно с недоверием отношусь к мужчинам с пучками на голове, помещая их в ту же категорию, что и вечно стонущих женщин с банданами.

— Неплохая пробежка, викинги, — говорит мужчина со слегка мягким акцентом. — Ну как ощущения? Фантастические?

Ноги у меня трясутся, как у присевшей пометить чужую территорию собаки, грудная клетка сжалась, как при сердечном приступе, а в голове странное покалывание, словно в нее вонзились сотни иголок.

Я предпочитаю не отвечать.

— Ой, у тебя в волосах *насекомые!* — услужливо замечает молодая женщина модельной внешности, надывая губки. — Ах! Паук! Наверное, он подумал, что это паутина.

— Ну здорово. Спасибо.

— Я помогу вам выплеснуть энергию! — заявляет полуголый мужчина. — А ну-ка порычите еще!

Мы смотрим на него так, будто решаем, как лучше будет его поколотить, но «модель» подчиняется и слегка театральнo восклицает:

— Аррргх!

— Давайте, остальные!

Мужчина-пучок приближается широким шагом ко мне, пока едва не касается моего лица, и рычит:

— Аррргх!

Я стираю слюни с шеи.

— Ощутите вкус свободы!

Свобода обязательно должна вонять грязью и соленой макрелью?

— Почувствуйте свое родство с древним лесом!

«Я бы сейчас предпочла почувствовать горячие струи душа...» — думаю я, поглядывая на свою грязную одежду, на руки в синяках и исцарапанные до крови колени. «Как я вообще до этого дошла? Жизнь

была такой... чистой. Упорядоченной. Такой... без насекомых, — мысленно добавляю я, почесывая голову. — И все же...»

Я оглядываюсь на женщину пониже, с зачесанными каштановыми волосами, которую знала всю свою жизнь. Прищурив глаза, она ковыляет ко мне, и ямочки на ее щеках предательски сообщают, как же ей все это нравится. Щеки горят, кулаки сжаты. Открыв рот, она испускает первобытный крик. Настоящий первобытный вой, копившийся в ней все тридцать пять лет. Такой громкий, что я вздрагиваю, невольно делаю шаг назад и только потом собираюсь с силами, чтобы завывать в ответ. Я вою что есть мочи. Все напряжение, весь страх, вся боль последних нескольких дней — а также нескольких прошедших лет — извергаются из моих легких в одном долгом боевом рыке.

— АРРРГХ!

Мужчина-пучок, по всей видимости, впечатлен.

— Вот так, берсерки!

Мы воем, заглушая остальных, пока не остаемся выть вдвоем.

«Пусть у меня не такие вместилища легкие, но я рожала. Дважды. Чтоб мне провалиться, если я ее не перекричу...»

Ее вой переходит в глухой рокот, затем в кашель. Плечи у нее трясутся. Она разводит руками.

А я все кричу.

Я даже сама не подозревала, что во мне может скопиться столько воя, столько нерастраченной энергии берсерков. Я продолжаю вопить:

— АААААААРРРРРРРРРРРРРРГХ!

ГЛАВА 1

Тремя неделями ранее...

— Моя фамилия Рэй. «Р», «Э», «Й». Рэй.

Сидящая передо мной женщина со смертельно усталым видом почесывает голову ручкой, пока я распинаюсь перед ней под гудение ламп дневного света. Мои «умные кроссовки» беспощадно жмут, а телефон в кармане вибрирует (что даже немного приятно), напоминая каждой волной о том, сколько невероятно важных сообщений я могу пропустить, тратя драгоценные секунды на эти бесплодные пререкания.

— Не могли бы вы повторить? — вздыхает женщина.

Я снова излагаю проблему, наблюдая за пустым взглядом ее голубых глаз.

— Тут написано «Рэт», — помахиваю я ламинированным прямоугольником для подтверждения своих слов. — А меня зовут Элис Рэй.

— Не «Рэт»?

— Нет.

— Хм... — Она снова почесывает голову, а потом внимательно смотрит на кончик ручки, словно в поисках каких-нибудь драгоценных находок. — А вы не можете просто... оставить все как есть?

— Вы что, хотите, чтобы я два целых дня расхаживала с бейджиком, на котором написано «Элис Рэт»¹!?

¹ Rat ([рэт], англ.) — «крыса». (Прим. пер.)

— А что такого?

— На конференции под названием «Побеждаем с улыбкой»?

— Ну да...

— Нет.

Она немного ерзает на пластиковом стуле, садится поудобнее и, даже не посмотрев на меня, протягивает руку.

— Спасибо, — говорю я, чуть смягчая тон, и отдаю ей бейджик. — Не хотелось бы доставлять хлопот, но знаете, тут мои коллеги... а я еще и *выступаю* перед ними...

Голос мой замирает, когда я вижу, как она берет несмываемый маркер из пластикового контейнера, снимает зубами колпачок и зачеркивает «Т». Затем добавляет букву «Й», за которой следует смайлик: «:»).».

Что? Правда? Это называется исправить?

— А новый нельзя получить?

В ее глазах проскальзывает такая ненависть, что меня словно отталкивает силовым полем. Нехотя я забираю бейджик, а потом окидываю ее смертельно пронзающим взглядом, говорящим: «Ты попала в мой список Полных засранцев, заслуживающих, чтобы они всегда попадали в лужи и чтобы перед ними всегда захлопывали двери». Она снова почесывает голову. «И чтобы они подхватывали вшей», — мысленно добавляю я.

— Следующий! — рявкает она, и я отхожу в сторону.

До дискуссии остается еще какое-то время, и я клянусь себе, что попытаюсь на этот раз влиться в окружение, вместо того чтобы стоять в сторонке, сверля глазами пирожные без сахара, поглощая мор-

ковные палочки и протеиновые батончики по дикой цене, как делала каждый год до этого.

«Нужно быть частью профессиональной сети, — повторяю я себе. — Улыбаться и демонстрировать коммуникабельность». Не то чтобы я боюсь общаться с другими представителями человечества, но просто...

— О, привет!

Блин.

— Элис?

Мужчина в очках, прищуриваясь, всматривается мне в грудь, и я вспоминая причину № 142, по которой ненавижу конференции: некоторые шутники всегда следят за тем, чтобы бейджики на шнурках удобно свисали как раз на уровне молочных желез. Это дает ИНК («извращенцам на конференциях» — причина № 141) идеальный повод тарашиться в область декольте, а иногда и распускать руки (причина № 143¹).

Мистер Очки как-то странно приседает, сгибая ноги в коленях, и его голова оказывается прямо напротив моего бюстгальтера.

— Элис... Рэт? — вопросительно смотрит он снизу вверх.

— Вообще-то Рэй.

— Ах да, точно! Мы встречались в прошлый раз!

Он протягивает руку и пожимает мою.

¹ Иными словами, «приветствовать Торнберри», так это стало называться после выборов 2017 года, когда Джереми Корбин случайно хлопнул рукой свою коллегу Эмили Торнберри по груди, вместо того, чтобы дать ей «пять»...